

ГАЛИНА СМИРНОВА

Вокализ

Лауреаты
национальной
литературной премии
«Писатель года»

16+

Галина Смирнова

Вокализ

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Смирнова Г.

Вокализ / Г. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2016

"Вокализ" - первый сборник произведений Галины Смирновой, для неё эта книга тоже своеобразный вокализ. Небольшие по объёму рассказы проникновенны и мелодичны. Автор пишет о том, как важно услышать музыку своей души, музыку души близкого человека, как затронуть тонкие струны сердца, чтобы сделать людей добрее и чуть счастливее. В 2014 году Галина Смирнова стала лауреатом премии "Писатель года" в номинации "Дебют" на российском литературном портале Проза.ру, где она пишет под псевдонимом Галина Кузина. Книга издана Оргкомитетом премии в соответствии с программой книгоиздания для лауреатов.

© Смирнова Г., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Лакомый кусочек	5
Соловей	7
Вокализ	9
Второй Концерт Рахманинова	11
Дембель	14
Счастье	17
Дом Гоголя	19
Мандарин	21
Алёшка – белый декабрист	23
Квашеная капуста	25
Белый-белый, первый-первый	26
Паустовский	27
Врачебная практика	29
Пречистенка, Дом учёных, Сергей Юрский	31
Английская резинка	33
Не проспала	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лакомый кусочек

Верочка стояла у дороги и решала, что же ей делать – нужно было привезти домой здоровушную и тяжеленную сумку с вещами. Как назло, муж уехал в командировку, а просить знакомых не хотелось. На автобусе? С пересадками?

Ну уж нет! Верочка, молодая хорошенькая женщина, никогда сама не ловила такси, у неё был муж... муж с машиной, и вообще... сесть с незнакомым мужчиной в машину? Как это? А ещё все эти страшные рассказы, эта милицейская хроника, эта «статистика на дорогах»... К тому же Верочка страшно сердилась на себя за то, что вырядилась в этот сарафан. А сарафан был классный, Верочка купила его в прошлом году вовремя турпоездки в Будапешт на каком-то маленьком рынке, где всё стоило очень дешево. Подруга обижалась – почему мне не купила такой же, Верочка говорила ей что-то неопределённо-туманное, а про себя думала: «Ну нет, королева – одна!»

Сарафан был королевский, сделан из тонкого хлопчатобумажного трикотажа, длинный до пола, чёрный, вырез декольте, юбка от талии падала пышными волнующими складками, а спереди на груди – шнуровка, такую шнуровку Верочка видела на картинах знатных дам в старинных нарядах. Эту шнуровку можно было затянуть потуже, грудка тогда ещё соблазнительнее выглядывала из декольте, а чёрный цвет был такой стильный! Когда Верочка надевала этот сарафан и шла по улице, длинноногая, с тонкой талией, красивой грудью, нежными плечиками, симпатичная, все мужчины, она видела, просто столбенели... И надо же было надеть его, чтобы тащить вот эту сумку!

Верочка сердито посмотрела на неё, вздохнула с сожалением, однако делать было нечего, и она стала голосовать. Иномарки разных видов останавливались и останавливались – пожалуйста! вам куда? с удовольствием! садитесь, рад подвезти! Но Верочка всем своим видом как будто говорила:

– Да что вы! За мной сейчас приедет золотая карета.

На самом же деле она хотела доехать до дома на какой-нибудь старенькой развалюхе с пожилым водителем. Именно такая вскоре показалась на дороге, около Верочки остановились жигули, наверное, мезозойской эры, она заглянула в салон, увидела немолодого шофёра, быстро договорилась с ним. Водитель вышел и, сильно хромая на правую ногу, подошёл к багажнику, открыл его. Сумку загрузили вместе, наконец, поехали.

Шофёр оказался разговорчивым, и уже через полторы минуты Верочке казалось, что он – её сосед.

Пётр Васильевич, так звали водителя, только что вышел на пенсию, но продолжал работать преподавателем в институте, зарплату задерживали, времена были лихие, поэтому иногда он подрабатывал извозом. Жил Пётр Васильевич один в своей квартире вместе с двумя собаками – породистой овчаркой и дворняжкой.

Верочка оказалась первой, кому он рассказал эту историю. Около двух недель назад Пётр Васильевич простудился, и сразу же обострилось старое заболевание ноги – артроз, да так сильно, что он почти не мог ходить. Пётр Васильевич отлеживался, принимал лекарства, потихоньку становилось лучше. Но выходить из дома он не мог, собак своих выпускал на улицу, а возвращались они сами и вместе.

И вот, все эти дни кормил своих собачек Петр Васильевич одним геркулесом, заваривая его кипятком. Вначале собаки покорно терпели, а через неделю стали бастовать, отказываясь от еды, но ничего другого предложить им он пока не мог, так и мучились...

Когда Петру Васильевичу стало лучше, он сел за руль, заработал и купил хорошее мясо, одну мякоть. Придя домой, порезал и положил его своим питомцам в миски, потом прилёг на диван отдохнуть и задремал. Очнулся он от того, что почувствовал что-то мокрое около лица,

а открыв глаза, обнаружил рядом с собой... кусочек мяса – около дивана сидела его дворняжка и улыбалась.

– Это же надо так меня отблагодарить – отдать последний, лакомый кусочек! Как же я их измучил, – закончил свой рассказ Пётр Васильевич, голос его задрожал.

– Вот какая благодарность, – Верочка и сама чуть не расплакалась.

Оставшуюся часть пути ехали молча, около подъезда Пётр Васильевич вышел, помог вытащить сумку:

– Вы такая красивая, так радостно на вас смотреть! И такой сарафан! Ну просто настоящая королева!

– Спасибо за рассказ, спасибо вашим собачкам за... за лакомый кусочек, – ответила Верочка и неожиданно для себя сделала реверанс, как королева.

Соловей

Приметила его давно, когда шла однажды ранней весной по одной из центральных дорожек парка, что рядом с моим домом. На одной из веток берёзы, отстоящей далеко к середине дороги, на самом её конце сидел соловей и пел ещё робко, несмело.

Говорят, белый гриб если увидишь, ни с каким другим не спутаешь, будь он тёмный, коренастый, вроде боровика рядом с могучей елью, или светлый колосовик, появившийся в июне. Так и соловей, даже если вы никогда его не видели, не слышали, если запел вот только что, ещё тихо, изредка, он всё равно заставит вас остановиться и слушать, слушать...

Ах, как птицы поют,¹
Так в неволе не спеть,
Ублажаю тебя,
Божье слово, свобода.
Соловьи, соловьи,
Я б хотел умереть
Под акафист
Подобного рода.

Зима отступала, сдавала свои позиции, стесняясь грязного снега, луж, голых деревьев и всей межсезонной не ухоженности. В последнюю очередь таяли тропинки, где снег был ещё плотный, утрамбованный любителями прогулок, детьми, колясками. На фоне оттаявшей тёмной земли оставались только эти белые полосы дорожек-тропинок, но им оставалось жить недолго. К звукам весны подключалась весёлая капель.

Не ищите во мне
Злы язычества суть,
Кто ж меняет Творца на творенье?
Отложите пока человеческий суд,
Распахните сердца на мгновенье.

Мой соловей сидел и пел из года в год на той же самой ветке той же берёзы. Ждала его весной – прилетит ли снова? И тот же самый? Прилетал. Интересно, у слов «соло» и «соловей» один корень? Запрокинув голову и забыв обо всём на свете, мой солист заливался трелями, и вскоре он был уже не один.

Что вас манит сюда
Из заморских широт,
Там гораздо сытней и красивей,
Или воля не та, или воздух не тот,
Знать, и вам не прожить без России.

Снег таял, на проталинах появилась трогательная молодая трава, почки деревьев позеленели, весёлые воробьи собирались стайками-оркестрами и всю щебетали о чём-то своём, радостном. Появились и другие голоса птиц, их становилось всё больше, рождалась весенняя симфония Жизни. Но солировали соловьи!

¹ Ах, как птицы поют! – песнопение – иеромонах Роман, в миру Александр Иванович Матюшин

Так ликуй же, ликуй
Непогоде назло,
Окажи здесь живущим услугу,
Совершай до утра прославление без слов,
Призывай благодать на округу.

Первой в парке зацвела ольха. Ещё утренние заморозки, ещё местами старый поседевший снег, ещё прозрачная весенняя пустота, а жёлтые, распушившиеся, словно цыплята, соцветия уже видны издалека. Срываю несколько веточек тополя, ставлю в вазу на подоконник, через несколько дней появятся молодые, клейкие и невероятно душистые листочки – вот и знакомый со школы весенний букет. В Вербное Воскресенье добавлю к нему веточки вербы. В Пасху поздравляем друг друга:

– Христос воскрес!
– Воистину воскрес!

На пригорках появилась мать-и-мачеха, а вот и первые одуванчики в молодой траве. Зацвела черёмуха, немного похолодало как всегда. Окна открыты, поют, поют и не дают спать соловьи.

Где ж вы судьбы мои?
Я пред вами стою
И готов головой заручиться,
Что покуда у нас
Так пред Богом поют,
Ничего на Руси не случится.

Поют соловьи... Ах, как птицы поют!

Вокализ

Окна её квартиры на последнем этаже высокого дома выходили на восток. Она просыпалась вместе с солнцем, шла на кухню, ставила один из любимых дисков и варила кофе, так начинался день. Музыка была разной, но последние две недели звучала только одна – «Вокализ» Сергея Рахманинова. Она любила, когда это произведение исполнялось без голоса, только музыка – невыразимо нежная и бесконечно грустная...

Она стояла у окна, диск солнца только показался на горизонте, освещая и окрашивая небо во все немыслимые оттенки и цвета красного, и жёлтого, и зеленоватого, и немного фиолетового... Она смотрела на восход, но не радовалась великолепной картине, и слёзы текли по её щекам. Так продолжалось уже две недели, каждое утро – «Вокализ», рассвет и он... он, который поступил с ней так жестоко. Разве так можно? Неужели всё это было? За что, Господи? Кофе опять убежал. Слезинки скрипки капали и испарялись с раскалённой плиты... «Я была радостна, я пела, танцевала, прыгала от счастья, я была воодушевлена, я хотела жить...»

Та сентябрьская ночь на берегу большого озера среди северных хвойных лесов была необычно тёплой и ясной. Они разворошили стог сена, стоящий на поляне вблизи озера, растелили сухую душистую траву на тёплую землю и накрылись его большой телогрейкой. Пахло свежестью близкой воды, сеном, хвойными ветками и сосновой смолой. А над ними в Божественной красоте Мироздания распахнулось всё небо миллиардами звёзд, ярких, ослепительно недоступных, далёких и близких.

– Протяну руку, и звезда в моей ладони, – он обнял её, прижал к себе, – ты – звёздочка моя ясная.

- Смотри, вспыхнула яркая маленькая точка, вот здесь, слева от Большой Медведицы.
- Я видел.
- Звезда упала, ещё, ещё, ещё... звездопад!
- Звездопад! Я загадал.
- И я загадала.

...Our wistful little star
Was far too high,
A teardrop kissed your lips
And so did I...²
– пел певец.

«Прощай», – рыдала скрипка, и музыка «Вокализа» лилась и неслась в небеса.
«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»³.
– Господи, Всемогущий, Премудрый и Всемиловитый, как быть, скажи!

Look into my eyes, my love,
And see,
All the lovely things
you are to me⁴

² ...Грустная маленькая звёздочка была так высоко, слезинка поцеловала твои губы, и я... – Здесь и далее в рассказе цитируется песня британского эстрадного певца Энгельберта Хампердинка «Тень твоей улыбки». – Англ.

³ Бытие, Гл.1, 2.

⁴ Взгляни мне в глаза, моя любовь, и ты увидишь всю мою любовь и то, что ты значишь для меня. – Англ.

И сказал Бог:

– Держи мою руку и взгляни мне в глаза! Я люблю тебя, я рядом... Я буду рядом с тобой всегда и везде, что бы ни случилось. Помни это и улыбнись!

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»⁵.

Сквозь мрачные тучи слабо пробивалось солнце, поднявшийся ветер разорвал облака, и всё светлее становилось небо. Солнечный луч улыбнулся и коснулся её лица...

The shadow of your smile,⁶
When you are gone,
Will colour all my dreams
And light the dawn.
Now, when I remember spring,
All the joy that love can bring
I will be remembering
The shadow of your smile...

⁵ Бытие, Гл.1, 3-5.

⁶ Тень твоей улыбки, когда ты уйдешь, раскрасит все мои мечты и зажжет рассвет. Теперь, когда я вспоминаю весну и всю радость, которую приносит любовь, я вспоминаю и тень твоей улыбки. – Англ.

Второй Концерт Рахманинова

Нина Михайловна шестнадцать лет работала в Консерватории администратором. Должность-то громкая, а по сути, в её обязанности входило следить за порядком в зале, точнее, в определенной части зала, и таких администраторов на каждом концерте было несколько. Начиная она с балкона, как все, потом перешла на первый амфитеатр, потом на второй, а сейчас работала уже в партере – рассаживала посетителей, следила, чтобы не было шума, особенно на детских концертах, продавала программки. И хотя работа, на первый взгляд, была несложная, домой она приходила уставшая, но каждый раз, помолившись иконе Пресвятой Богородицы, думала: «Какое же счастье, что я работаю в Консерватории!»

Она была невысокая, стройная, хотя немного полноватая, что совсем не портило её, с тёмными, гладко зачёсанными назад и собранными в пышный пучок волосами, сероглазая и миловидная. Часто после концертов одинокие мужчины предлагали проводить её до дома, а некоторые приходили в Консерваторию по несколько раз, только чтобы увидеть её, поговорить, а там уж как получится.

Нина Михайловна никогда не была замужем и детей не имела. В 41-м проводила на фронт своего Алёшу, любили друг друга, а в начале 42-го года пришла похоронка. И с тех пор красивая, молодая, полная жизни и энергии женщина отказалась от семейной жизни и вообще от встреч с мужчинами. Возможно, это покажется кому-то удивительным, но так было.

Первые два года после войны Нина работала на обувной фабрике и жила в крохотной комнате в коммуналке. Там, на фабрике, её, молодую, исполнительную, тихую и заметила начальница цеха, у которой дочка недавно родила двойню, она и уговорила Нину стать няней для своих внуков. Через три года Нина перешла в другую семью, тоже няней, потом в третью, так продолжалось ровно десять лет.

Когда умерла её родная тётя, Нине досталась небольшая однокомнатная квартира рядом с Консерваторией. Так она стала работать в Консерватории администратором. Работу свою Нина любила, тщательно одевалась в нарядную рабочую форму – длинная бордовая юбка, бордовый жилет, белоснежная блузка, аккуратная причёска и немного духов, она была очаровательна.

Незаметно летели годы, Нина Михайловна жила по-прежнему одна, в той же скромной, но всегда чистой и уютной квартирке. Появились седые волосы... время, годы. Но она жила радостной и счастливой жизнью, и об этом никто, никто не знал и даже не догадывался, никто не знал о её большой и настоящей любви – любви к музыке.

Незаметно для себя, находясь на концертах, где выступали известные музыканты – исполнители классики – Нина Михайловна полюбила классическую музыку так сильно, что не могла прожить без неё ни дня, и у себя дома, занимаясь домашними делами или отдыхая, она слушала и слушала любимые произведения. У неё обнаружился музыкальный слух, и часто она напевала понравившиеся произведения.

Среди них было одно, особенное, которое поражало её прямо в сердце. Слушая его, она то умирала, то вновь возвращалась к жизни, то возносилась к небесам, то падала, падала, падала... то качалась на волнах счастья и томилась от неизвестной, сладкой и мучительной любви, и потом целый день едва заметная улыбка сияла на её лице.

Это был Концерт №2 для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова – грандиозная, гениальная, волшебная музыка, будто сами звёзды спустились с небес и подарили её великому композитору.

В тот день к Нине Михайловне подошла её начальница с неожиданной просьбой заменить заболевшую гардеробщицу.

– Ниночка, только один вечер, ну выручи!

– Да я же расположения вешалок, номерков не знаю.

– Это так просто, пойдём!

Иногда бывают такие просьбы, что отказать просто невозможно.

Посетители стряхивали снег с шапок, шуб, пальто у входа в Консерваторию – на улице царил метель, белые хлопья снега валились с неба на притихший вечерний город как потоп. Нина Михайловна быстро справилась с нахлынувшими посетителями, развесила одежду, потом присела отдохнуть – всё же зимние вещи тяжёлые.

Она задумалась: «Кто сегодня играет? А во втором отделении?» Ей показалось, что кто-то прошёл в раздевалку, она встала, и тут на неё вышел высокий белобрысый парень, он нёс в руках шикарную женскую шубу.

– Добрый вечер, Нина Михайловна! Взял шубу жены, ей что-то нездоровится, домой пойдём, к сожалению. Вы что, не помните меня?

– Нет, – неуверенно произнесла Нина Михайловна.

– Я из мастерских, недавно устроился, а вас я хорошо знаю.

И парень исчез.

«Я не спросила, как его звать! – с тревогой подумала Нина Михайловна. – Господи, он и номерка мне не дал! Где же висела эта шуба?»

Она так разволновалась, стала ходить между вешалок, ничего не помнила, ничего, накапала сердечные капли, выпила, села на стул и стала ждать окончания концерта. К ней подошла статная, хорошо одетая дама и протянула номерок. Нина Михайловна отправилась к вешалке, но на данном номерке было пусто, она вернулась к женщине:

– Простите, на вашем номерке нет пальто.

– Какое пальто! Я вам сдавала шубу, дорогую шубу из норки. Как так? Вы ответите.

Потом была милиция, свидетели. На суде Нина Михайловна как могла описала высокого белобрысого парня, но такого в мастерских Консерватории не оказалось. Адвокат был государственный, бесплатный, может быть, не очень старался.

Нина Михайловна стояла, опустив голову, и думала, что смотрит по телевизору знакомый детективный сериал, который скоро закончится. Прокурор просил три года, но учли безупречное прошлое и дали два.

В женской колонии Нина Михайловна шила телогрейки. Материал был толстый, работать с ним было с непривычки тяжело, на руках появились кровоточащие мозоли. Но потом постепенно и руки привыкли, и Нина Михайловна, кажется, приняла случившееся как должное. Через год её навестила коллега по работе, сказала, что администратором ей уже не быть, но уборщицей в туалете, наверное...

– Хорошо, – тихо ответила Нина Михайловна.

Прошло ещё три месяца, до окончания срока оставалось немного, как вдруг Нину Михайловну вызвал начальник колонии – речь шла о досрочном освобождении.

– Вот ваши благодетели, поручители. Входите!

И в комнату вошёл... вошёл тот самый высокий белобрысый парень, который якобы работал в мастерской, а с ним совершенно незнакомая, ярко и вульгарно накрашенная женщина.

– Что с вами, Нина Михайловна? Вот вода, выпейте. Вы знаете этих людей?

Что она могла сказать? Что это тот парень, который унёс дорогую шубу? Разве были свидетели на её стороне?

– Извините, можно я выйду, что-то голова закружилась.

– Хорошо, поправляйтесь, завтра продолжим. Вас проводить?

– Нет, нет.

В отделении она упала на свою койку.

«Боже мой, мой Боже... что они хотят, что задумали... вдруг заставят что-то делать... что-то ужасно плохое... кому сказать... как доказать... я не справлюсь... не справлюсь... как

я устала, Господи...» Она никуда не пошла, не пошла и на ужин, лежала, отвернувшись лицом к стене.

– Нина, чем-то помочь? Хочешь чая? Я свежий заварила, карамельки есть, – спросила соседка.

– Спасибо, полежу.

Окно перед койкой Нины Михайловны выходило на улицу, вечерело, падал снег, густой ярко-синий сумрак заплывал в комнату. Она смотрела на поднимающуюся метель и слышала, слышала... отчётливо слышала Второй Концерт Рахманинова, и те же, знакомые до последней ноты, волны счастья и покоя поднимали и уносили её в тишину и далёкую, недоступную высь. Утром соседка обнаружила, что Нина Михайловна мертва. Её открытые глаза смотрели в окно, будто она услышала что-то.

Дембель

Рассказ знакомого

Я возвращался домой. Возвращался домой из армии, где честно служил два года, как и положено по Уставу. Полгода был в учебке, а потом поехал в свою часть, где служил до конца, без отпусков и, в общем-то, без увольнений, так как ходить в увольнения было просто некуда – кругом была одна степь.

Ты не можешь себе представить, что такое казахстанские степи. Климат здесь резко континентальный, летом может быть плюс пятьдесят, а зимой минус пятьдесят, и лето жаркое, засушливое, а зимы холодные и малоснежные.

Рядом с нами не было ни озера, ни реки, выйдешь – глазу зацепиться не за что – только небо и земля, как в той красивой тягучей песне. Зимой воду для питья, для еды топили из снега. В супе плавало пшено и кусок сала. Ходили в сапогах, у многих были фурункулы на ногах, родные присылали лекарства, витамины. По ночам летом ляжешь на тёплую землю, смотришь в звёздное небо и кажется, что ты один на всём белом свете, и что Всё, понимаешь, Всё только начинается, помнишь: «И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»⁷.

Только ковыль белёсый качается в мареве, и весной тюльпаны цветут сумасшедшими, красно-жёлтыми коврами.

«Вот бы, – думаю, – мама увидела цветущую степь! Этого же нигде нет, я бы ей всю степь в тюльпанах подарил».

Потом стал засушивать тюльпаны между страницами какой-нибудь толстой книги, они становились плоскими, полированными, гладкими и приятными на ощупь, и я посылал их маме в письмах. А ещё украшал засушенными тюльпанами и ковылём дембельский фотоальбом.

Меня в армию провожала только мама, отец за год до этого умер от неизлечимой болезни, а девушки у меня не было, той девушки, которая бы ждала, а я бы верил, что она ждёт, не было такой. А на всякую ерунду время было жалко тратить. Время наше – конечно, я это по отцу понял, ему ведь всего сорок семь лет было, жить бы и жить... а как он маму любил! Знаешь, я однажды семьдесят средних лет жизни человека перевёл в секунды – стало страшно...

И вот выхожу я из вагона на своей станции, в руках один маленький чемоданчик, ищу глазами маму, нет, да не может быть, я же телеграмму дал... нет, нет, нет. У меня сердце прыгает уже где-то под горлом, во рту сухость, мысли самые ужасные, я бегом к такси, через 15 минут стою у калитки нашего маленького дома. А весна... вишни, яблони цветут, как невесты, в палисаднике нарциссы, тюльпаны, незабудки, цветы меня немного успокоили, думаю, мама посадила, кто же ещё.

Стою у калитки, люблюсь, а потом посмотрел – из почтового ящика телеграмма торчит, вынул её... моя. Как же так, я же её ещё позавчера посылал, не вытащила, не знала, почему? В два прыжка оказался на крыльце, звоню... тишина... звоню, звоню долго, стучу ногами, собака соседняя залаяла, потом дверь открывается – мать. Нет, она не пьяная, но и не совсем трезвая и как будто чужая. Обняла меня вроде как для приличия:

– Заходи, сынок, заходи.

А сама в каком-то молодёжном, диком ярком платье намного выше колен, вырез такой, что вся грудь наружу, волосы жёлтые, макияж как... как у шлюхи, и запах дешёвой туалетной воды. Я её взял за плечи, потрянул как следует:

– Мать, ты что! Ты что делаешь! У дороги что ли стоишь, подрабатываешь?

⁷ Бытие, Гл. 1, Пс. 32,9.

– Нет, сынок, в ларьке у Махмуда работаю, он деньги исправно платит.

И такая злость, такая дикая злость меня одолела... схватил её за волосы, и все они в моей руке остались, оказалось, это парик такой, а под ним, гляжу, мамины русые волосы:

– Ты что же, не видела мою телеграмму? Как же так, мама?

Она падает мне в ноги:

– Прости, прости, сынок.

Подошёл я к столу, а на нём в вазочке какие-то дебилные три красные розочки, какие-то колбасы, сыры, вижу, что особые, не наши, и шашлык из баранины – жир течёт на тарелку и тут же белым пятном застывает, и вино разное в бутылках, и водка, и пиво... Взял я за углы эту скатерть-самобранку, связал в узел, вышел и бросил на помойке.

– Иди, – говорю матери, – иди в ванну, отмывайся и одевайся, как нормальная женщина, к отцу на могилу поедем.

В это время её мобильный звонит, она из ванной выглядывает, смотрит на меня, мол, как быть.

– Молчи, – говорю ей.

Минут через десять около нашей калитки остановилась машина, потом долго звонят в дверь, потом стучат в окно.

Думаю, только бы окно не разбили, чтобы нам не встречаться. Подождал, смотрю, уехал этот Махмуд.

Мать переделалась в длинное платье, русые волосы собрала сзади в пышный пучок и стала ещё стройнее, как будто даже выше, моложе, чище и такой красивой – мимо не пройти! Ей всего-то сорок четыре года, девчонка! Она же раньше провизором в аптеке работала, сидит у окошка в белом халатике, аккуратненькая, чистенькая всегда.

– Мам, и только без косметики! Чтобы всегда такой была!

Я вызвал такси, мы приехали к отцу на кладбище, могила была в полном запустении – краска на оградке обтрепалась, местами её не было вовсе, деревянный крест покосился, ни живых, ни искусственных цветов, лопухи да бурьян.

– Коленька, надо бы порядок на отцовской могиле навести.

– Разберусь.

Когда вернулись домой, велел шофёру не уезжать, подождать нас.

– Мать, собирайся, в твоём распоряжении двадцать минут, мы уезжаем.

– Куда, сыночек?

– Пока два-три дня поживём у моего друга, он в областном центре живёт, мы в армии переписывались, он уже дома, а там видно будет.

– Так что же, сюда мы не вернёмся?

– Вернёмся... наверное. Будем устраиваться в большом городе, там аптек много, ты провизор опытный.

– А ты, сынок?

– Я, мама, отличным шофёром стал в армии, знаешь, сколько по степи поездил! Снимем комнату, потом квартиру, а там, глядишь, и свою заработаем.

Мать прижалась ко мне, плачет.

– Не пропадём, мама!

– А дом, дом-то как, сынок?

– Разберёмся.

Пока мать собиралась, я закрыл ставнями окна, повесил замки, отключил электричество, водоснабжение, на всякий случай.

Кажется, я задремал, сквозь ресницы проносились жёлтые огни фонарей, слышался шум дороги, запах весенней травы на обочине. Мне снилось, что с ранцем за плечами я бегу из школы в аптеку у дома, где стоит мамочка в белом халате, сейчас она даст мне ключ от дома, я

сброшу ранец, быстро, обжигаясь, поем горячих щей с горбушкой хлеба, потом побегу играть в футбол с мальчишками на пустыре. А вечером с работы идут под руку папа и мама, и я в окошко на них люблюсь.

Я сидел на заднем сиденье, положив голову маме на плечо и уткнув лицо в тёплую, нежную ложбинку на её шее, и запах... такой родной.

Счастье

Никто не помнил прежнего названия бульвара, широкий и просторный, он был застроен двухэтажными каменными домами прошлого века, одни из которых были желтоватые или слегка зеленоватые, другие белые, как кусок сахара или мела, но все они содержались в чистоте и порядке. На тротуаре вдоль домов вы не смогли бы увидеть ни окурка, ни бумажки, хотя он был далеко не новый, и даже наоборот, весь в трещинах, больших и длинных, или коротких и запутанных, которые почему-то нравились жителям городка, особенно детям, все они норовили обязательно переступить через них, это была такая весёлая игра, забава.

Около домов росли огромные платаны с серой, отслаивающейся корой на мощных, как колонны, стволах, они уносили свою пышную крону в далёкую высь, и где-то там, в облаках, их ветви переплетались так, что не разъединить, и получался зелёный туннель из ветвей и листьев, сквозь который пробивалось жаркое южное солнце, и тогда тени больших резных листьев ложились на бульвар. Осенью листья красиво желтели, шуршали под ногами вместе с опавшими плодами, которые незнающие приезжие принимали за каштаны.

Плоды платанов мягко падали на землю, ударялись о крыши домов подобно удару теннисного мяча, к этим звукам привыкли, без них жизнь потускнела бы, будто исчезла яркая нота в песне городка.

Может быть, когда-то бульвар назывался Южный или Портовый, или именем славного революционера, жители забыли, и все называли его просто Счастье... и даже слова бульвар не добавляли. Так и говорили:

– Мы идём к Счастью.

Или:

– Встречаемся на Счастье.

После этих слов люди тихо, незаметно улыбались... всё-таки слова обязывают.

Вдоль бульвара, отгороженного от проезжей части невысоким металлическим забором, была проложена аллея, засаженная жасмином, и как же благоуханна, как волшебна была здесь цветущая весна. Около забора стояли старые фонари с облезлой краской, но жители почему-то не торопились их подкрасить – один, другой подойдёт, постоит и вспомнит по зарубкам то, что знает только он и, может быть, она, и вздохнёт тяжело – эх, жизнь...

Некоторые фонари по вечерам частенько не горели, чему несказанно радовались влюблённые, допоздна сидящие здесь на скамейках.

По бульвару почти не ездили машины – он вёл в сквер, за которым начиналось море, но зато неспешно дребезжал трамвайчик, долго стоял на остановках и весело трезвонил. Он делал круг, останавливался около сквера, вожатая выходила передохнуть, выпить чашку чая или кофе, и снова... Счастье.

Днём на трамвайчике подъезжали жители близлежащих домов, которые очень торопились, потому что пройти по бульвару, подышать запахом моря, платанов, смешанным с тонким, нежным ароматом жасмина...

Ну разве это не счастье?

Сквер в конце бульвара причудливым образом был окружён высокими каштанами с обычными белыми и с редкими, розовыми соцветиями, и когда они цвели на фоне южного неба, утреннего, лимонно-оранжевого или вечернего, пылающего фиолетово-алым пожаром, невозможно было глаз отвести от этой неземной красоты, будто занесённой именно сюда пришельцами с далёкой Альфа Центавры.

Сквер был небольшой, посреди него стояла большая песочница, а вокруг шесть скамеек. Одну из скамеек заняли две бабушки – женщины среднего возраста, их малыши увлеченно копошились в песке, изготавливая куличики, а потом разрушая их и снова строя что-

то важное. наблюдали за ними и оживлённо переговаривались, потом спохватывались, доставали салфетки, отмывали своё чумазое чудо, давали попить водички или предлагали яблочко. Отдохнув и отмывшись, оба чуда, один светленький, а другой ярко-рыжий, брали машинки на верёвочке и дружно ходили друг за другом вокруг песочницы, громко лопоча что-то и прекрасно понимая друг друга.

Слева от женщин расположились юные Ромео и Джульетта, они целовались, тесно прижавшись друг к другу, или сидели затихшие, задумчивые, молчаливые.

На скамейке справа сидел мужчина, закрытый развёрнутой газетой, из-под которой торчали только вытянутые ноги без носков, в дырявых шлёпанцах и потрёпанных джинсах, газета плавно поднималась то вверх, то вниз, слышалось ровное дыхание.

Напротив уснувшего читателя села девушка в интересном положении, на вид ей было лет двадцать, вначале она с любопытством разглядывала малышей, потом скрестила руки поверх своего животика, и вскоре её отрешённый взгляд опрокинулся куда-то далеко, вглубь себя.

– Господи, как икона «Умиление», – сказали почти одновременно женщины.

Солнечные блики играли повсюду, тени листьев уносились ветром, гуляли на лицах прохожих, опускались и танцевали на асфальте, готовые вновь сорваться и улететь. С моря дул лёгкий ветерок, и где-то рядом тренькал трамвайный звонок. Это был только сон...

Дом Гоголя

Москва, Никитский бульвар, дом 7 А... когда мы идём по этому адресу, мы идём к Гоголю.

В этом нарядном старинном двухэтажном особняке великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь жил последние четыре года, здесь он работал, встречался с друзьями и здесь случилось страшное – в этом доме, за десять дней до смерти он сжёг второй том «Мёртвых душ».

Центральная парадная лестница делит особняк, принадлежащий графу Толстому, на две части, Гоголь занимал первый этаж, его покои находились в правой половине. Небольшая прихожая – высокие потолки, светло-голубые стены и такие же шторы на окнах, печь, выложенная белой плиткой, большой деревянный сундук с книгами писателя, изданными при его жизни, вешалка, на которой висит цилиндр и, конечно же, шинель. Я тихонько дотрагиваюсь до шинели – плотная ткань чёрного цвета, кажется, что очень тёплая.

Высокие белые двери открываются в гостиную – стены интенсивного синего цвета, шторы на окнах и дверях тоже синие, старинная мебель тёмного благородного дерева, обитая тканью абрикосового цвета с тканым рисунком, она называется штоф, я помню это слово из книг. Диваны, кресла, стол, трюмо с высоким зеркалом, икона Богородицы, фотографии Италии, Святой земли – тех мест, где был Гоголь.

Но вот... вот особое место – камин, в котором сгорела рукопись Гоголя, перед камином стоит кресло. Почему Гоголь сжёг рукопись второго тома «Мёртвых душ», почему произошла эта безумная трагедия, почему рядом не оказалось никого, никого, кто остановил бы его? Мы не узнаем этого уже никогда.

И всё-таки большинство исследователей пишут о роковой случайности – Гоголь именно перепутал, сжёг не то, что хотел, об этом утром он сказал графу Толстому. Ещё одна тоже фатальная случайность – граф Толстой накануне отказался передать портфель с рукописями Митрополиту Филарету, как просил Гоголь. Если бы не этот отказ, всё, наверное, было бы по-другому.

Но случилось то, что случилось. Долго стою напротив камина, трудно представить то адское пламя, в котором Гоголь дерзнул сжечь труд пяти лет своей жизни, своё вдохновение, свои надежды. Стрелки часов на камине остановились навсегда, они показывают три часа ночи – в это время горела рукопись «Мёртвых душ».

Из гостиной двойные белые двери открываются в кабинет, выкрашенный в нежный светло-бирюзовый цвет, и шторы на окнах тоже бирюзовые. Почему в жилых покоях Гоголя были выбраны именно эти цвета – от нежно-голубого, бирюзового до тёмно-синего? Синий цвет – цвет Богородицы, заступницы России, может быть, это ответ? Гоголь был великим молитвенником, богомольцем о России.

Книжный шкаф, диван, стол, бюро, за которым работал писатель, он писал стоя, писал мелким, красивым, почти каллиграфическим почерком, на бюро – портрет Пушкина в рамке. Здесь же в кабинете кровать Гоголя за ширмой, рядом кресло. Последние месяцы Гоголь не мог спать лёжа, спал сидя в кресле, и ещё он постоянно замерзал, ему было всё время холодно.

На стенах кабинета иконы, фотографии Оптинских старцев. Гоголь трижды был в Оптинской пустыни, его тянуло в этот монастырь, он хотел быть монахом, не смог, давил долг и великий талант писателя, отпущенный Богом, и это противоречие – быть монахом или быть писателем терзало его душу всю жизнь.

На левой половине первого этажа находится комната памяти – светло-сиреневые стены, шторы, узкий старинный диван, рядом на столике – посмертная маска Гоголя.

«Как сладко умирать», – последние слова великого писателя, сказанные в сознании.

Зал «Ревизор» и зал «Воплощений» тоже на первом этаже, здесь можно увидеть чудесные инсталляции, посвящённые произведениям Гоголя.

В зале «Воплощений» стайка школьников выстроилась в ряд к большой тетради, куда пишут отзывы о Доме Гоголя, встала и я в очередь, а прежде чем писать самой, взглянула на то, что пишет молодёжь: «Здорово!», «Круто! Спасибо!», «Очень понравилось, спасибо, придём ещё!» Написала и я слова благодарности замечательному музею – Дому Гоголя.

Выхожу из музея и долго стою перед памятником Гоголю скульптора Андреева. Голова писателя склонилась, плечи опущены, взгляд тяжёлый и скорбный, как будто большая раненая птица хочет спрятаться в складках плаща то ли от холода, то ли от всего мира.

На улице солнечно, лёгкий мороз и мелкий искрящийся снег, снег лёг на плечи, спину Гоголя, словно пытаюсь согреть его. Иду через Арбатскую площадь к началу Гоголевского бульвара, где стоит памятник Гоголю скульптора Томского. Вот так удивительно получилось, что в центре Москвы, с разных сторон Арбатской площади, на расстоянии не более четырёхсот метров друг от друга стоят два совершенно разных памятника одному человеку – Гоголю.

И я вижу совсем другого Гоголя – успешного, уверенного, стоящего на высоком пьедестале, он смотрит на меня и чуть заметно улыбается. Я давно не была здесь, забыла эту тихую улыбку, и она так нравится мне, и мне нравится, что Гоголь улыбается! Улыбаюсь и я, глядя на него. Позади памятника – заснеженный Гоголевский бульвар, ведущий прямо к метро, напротив которого Храм Христа Спасителя. Памятник Гоголю и Храм Христа Спасителя – почти напротив, а разве могло быть иначе!

У метро молодая женщина в полушубке, цветастом платке и брюках, синеглазая, чернобровая, румяная, ну вылитая панночка с хутора близ Диканьки, только поменять брюки на юбку, продаёт букеты багульника – на длинных голых ветках мелкие листики и редкие, сиреневые цветы, похожие на диковинных бабочек в снежной Москве...

Мандарин

Оранжевый мандарин катился по тропинке, идущей вдоль шоссе. Минуту назад его подбрасывала вверх, ловила неловко, роняла на землю, поднимала, смеялась и снова подбрасывала девочка лет шести, в синих шортах, белой футболке и косынке, из-под которой торчали в разные стороны русые косички. За ней шла её мама, молодая женщина в длинном лёгком платье и шляпке из льна.

– Катя, прекрати, дорога недалеко, – требовательно сказала она.

Но, упав на сей раз, мандарин, как колобок из сказки, покатился туда, куда захотел, а именно к широкой канаве, расположенной между шоссе и тропинкой, где вскоре и скрылся благополучно. Девочка подошла, посмотрела на бурно разросшийся в канаве лопух и развела руками:

– Всё, нет мандарина, – сказала она маме, которая взяла дочку за руку, и они быстро пошли к машине, стоящей впереди, на обочине, рядом с небольшим придорожным магазинчиком, из которого вышел молодой мужчина со свёртками. Девочка подбежала к нему, с любопытством заглянула в пакеты, потом забралась на заднее сиденье, спереди сели родители, и машина тронулась с места.

За этой сценой наблюдала Наташа, хрупкая невысокая женщина в тёмном платье, которая медленно, прихрамывая на одну ногу, шла позади мамы с дочкой. Около рябины она остановилась, подняла с земли сухую тонкую и довольно длинную ветку и с её помощью стала раздвигать в канаве тёмно-зелёные, похожие на большие тарелки листья лопуха.

Вот мелькнуло что-то яркое, Наташа подтянула, подтащила к себе и подняла большой спелый мандарин.

Она отряхнула его от земли и посмотрела пристально, сильный цитрусовый запах шёл от этого оранжевого беглеца-колобка, лицо Наташи побледнело, губы задрожали. Она положила мандарин в сумочку и направилась к придорожному магазину.

Под Новый год Наташа и Виталий ставили дома большую ёлку, к запаху мороза и еловой смолы присоединялся аромат мандаринов, шоколадных конфет, свежей сдобной выпечки и ещё чего-то очень вкусного, особенного, что готовилось только в этот праздник. В доме царил суэта, волнение и ожидание того хорошего, радостного и настоящего, что виделось в будущем, и на что надеялся каждый сейчас, и в прошлом году, и всегда.

На ёлку вешали мандарины, это была традиция. Мандарины Наташа обматывала крепкой ниткой крест-накрест и ещё крест-накрест, получалась как бы плетёная корзиночка, сверху она делала петельку и потом уже вешала мандарины на нижние ветки ёлки, которые были покрепче. Когда Сонечка подросла, то стала помогать маме, она особенно любила наряжать мандарины в фольгу, и тогда на еловых ветках рядом с оранжевыми красовались необыкновенные серебряные шары с мандариновым запахом.

– Мамочка, можно я пирожок возьму? – спросила Соня тогда, в тот Новый год.

– Потерпи, мой ангел, скоро за стол сядем.

– Ты редко такие пирожки делаешь.

«Правда, редко, – подумала Наташа. – Уж очень хлопотная начинка – тыква, антоновка, корица, цедра лимона, а тесто обязательно на опаре и сдобное, возишься с ним так долго».

Она посмотрела на лукавую мордашку:

– Ну, пойдём на кухню.

На большом нарядном подносе лежали румяные пирожки, с одной стороны сладкие, с тыквой и яблоками, сделанные в виде треугольников, а с другой с мясом и луком, обычной продолговатой формы. Наташа протянула дочке ещё тёплый пирожок.

– Вку-у-сно-о! – пропела Соня, уплетая пирожок за обе щёки.

А потом пришли гости, и были игры, песни, танцы, но, главное, были для детей подарки. Саше подарили радиоуправляемую пожарную машину, а Юле голубоглазую, с весёлыми рыжими конопушками куклу, Витя обрадовался клюшке с шайбой, а Соня... Соня получила то, что хотела больше всего – набор красок и кистей для рисования, и ещё бумагу и небольшой мольберт. Соню научил рисовать папа, когда ей было три годика, и с тех пор не было для неё ничего интереснее, чем изображать всё, что она видела или хотела видеть... по зелёной траве у неё бегали голубые и красные лошадки, а все лягушки были розовые или жёлтые, или любые, но обязательно в цветочек, горошек или даже в клетку и с короной на голове.

– Почему? – спрашивала мама.

– Они же царевны... царевны-лягушки, – отвечала задумчиво пятилетняя Сонечка.

Около магазина на земле сидела на какой-то тряпице смуглая черноволосая женщина, а рядом с ней мальчик около двух лет, малыш вертел в руках помятого плюшевого слонёнка. Наташа открыла кошелёк, положила в протянутую руку женщины купюру, а потом достала из сумки мандарин и спросила:

– Можно?

Получив утвердительный кивок мамы, дала ей мандарин, и через мгновение малыш, обливаясь соком и причмокивая от удовольствия, ел его. Домой Наташа возвращалась по той же тропинке, идущей вдоль канавы, заросшей лопухами, и ей всё виделись в густой тени их огромных листьев... оранжевые мандарины на еловой ветке.

Через три дня после Нового года Виталий с Сонечкой поехали в цирк. Почему именно на автобусе, почему именно в тот день, почему она, Наташа, не поехала вместе с ними... и почему, Милосердный, это произошло, почему, Господи, автобус на переезде столкнулся с электричкой... почему... почему среди погибших оказались её самые любимые и дорогие...

На похороны Наташу привезли на инвалидной коляске, после страшного известия она получила инсульт, не двигалась правая рука и нога. Она не могла плакать, не могла говорить, ни слёз, ни слов, как деревянный истукан. Потом было долгое лечение, инвалидность, вернулась речь, восстановилась рука, но осталась хромота, однако, это, кажется, совсем не смущало Наташу.

Она всё больше думала и думала, что плохо простилась с Сонечкой и Виталиком... не так погладила по голове, по щеке, груди, не так поцеловала, не так... и, главное, она не сказала им самых важных слов. И всё чаще ей казалось, что случившаяся беда просто жуткий, мучительный и непереносимый сон, и совсем скоро она проснётся, нужно только ещё немножко потерпеть.

Придя из магазина домой, Наташа прошла в свою комнату, села на кровать и взяла с тумбочки мандарин, ему было три года, это был мандарин из ушедшей жизни, с той, последней новогодней ёлки.

За годы мандарин высох как мумия, его кожура окаменела и превратилась в панцирь, и если вдруг он падал на пол, то раздавался звонкий звук разбитого стекла, из ярко-оранжевого он стал чуть желтоватым... и всё-таки ещё можно было уловить едва слышимый, будто угасающее эхо, мандариновый запах. Её лицо стало светлым и спокойным...

Алёшка – белый декабрист

Подоконник был широкий, старый, обшарпанный, с трещиной по всей длине, Алёшка сидел в уголке, поджав ноги, и отковыривал от него чешуйки почти стёртой белой краски. В противоположном углу на подоконнике стоял в поржавевшем ведёрке раскидистый большой цветок с плотными, тугими, изрезанными листьями-стеблями. Ведёрки менялись из года в год на большие по размеру, но почему-то на такие же потрёпанные, цветок рос, но никогда, ни разу не цвёл.

Алёшка слышал, что уборщица баба Поля называла его декабрист, но не понимал, почему так, а не ноябрист или октябрист, например. Он уже знал не только месяцы года, но умел считать, знал буквы и даже понемногу складывал из них слова, ему было пять лет. Алёша любил сидеть на подоконнике в раздевалке, отсюда видны были ворота и забор детского дома, была видна часть улицы со своей, незнакомой для него жизнью – машины, мамы с колясками, автобусы, пешеходы, дети, собачки на поводке.

Вдоль стен этой маленькой комнаты стояли узкие, окрашенные голубой краской шкафчики с приклеенными на них картинками фруктов – кому какой достался. Алёше достался зелёно-полосатый арбуз с отрезанным большим аккуратным ломтиком, который был в углу картинки, и всякий раз, когда Алёша открывал-закрывал свой шкафчик, он трогал этот спелый ломтик, как будто брал его в руки, чтобы съесть.

Напротив входной двери в раздевалке была сушилка, представляющая собой шкаф с дверцами, внутри которого стояла большая батарея, на ней и сушились детские вещи после прогулки. Алёша часто залезал в этот шкаф, садился на пол рядом с батареей – тепло, уютно, и играл с какой-нибудь игрушкой, он любил бывать один.

Алёшка прижался носом и губами к холодному стеклу окна, снаружи его худенькое бледное личико стало похожим на маленького поросёнка Ниф-Ниф, а может Наф-Наф или Нуф-Нуф из книжки с красивыми картинками, которую он любил смотреть, и которую воспитательница часто читала. Таким его и увидела впервые Аля, когда вошла в ворота детского дома.

Аля вышла замуж за Николая в институте, они любили, понимали и доверяли друг другу, им было хорошо вместе. И с квартирой повезло – бабушка Коли уехала к детям, оставив квартиру внуку. Сделали ремонт, обставились, жили тихо, мирно, счастливо, и всё бы хорошо, но... но не было детей. На четвёртый год замужества начались для Али бесконечные мучительные обследования, анализы, лечение, лечение, поездки в санаторий, но всё без успеха. Ещё через три года она стала паломницей по монастырям, церквям, храмам, ездила одна и с мужем, последний раз они были в Троице-Сергиевой Лавре. Выходя из Собора Лавры и глядя на жену, Николай вдруг отчётливо понял: она решила сегодня для себя что-то очень важное, нужное и как будто даже успокоилась. Так и было.

– Возьмём девочку из детского дома, – тихо и твёрдо сказала Аля.

Аля и Коля шли по длинному коридору на встречу с директором детского дома, когда одна из боковых дверей впереди них открылась, из неё вышли пожилая воспитательница, а за руку с ней шёл худенький, белобрысый вихрастый мальчик лет пяти, одетый в клетчатую рубашку с засученными рукавами и колготки. Колготки были старые, с вытянутыми коленками и истёртыми пятками, торчащими из-под сношенных сандаликов, были велики, натянуты поверх рубашки почти до подмышек, и малыш всё время их подтягивал. Мальчик неожиданно оглянулся, Аля увидела серьёзное личико и большие глаза. И эта картина – удаляющаяся по длинному, казалось, бесконечному коридору фигурка малыша в растянутых, больших, немислимого абрикосового цвета колготках и стоптанных сандаликах за руку с воспитателем осталась в её памяти навсегда.

Алёшу уже знакомили с новыми родителями, но всякий раз при встрече с ними внутри него что-то замыкалось, захлопывалось, он не мог общаться, говорить, казался невоспитанным, даже диковатым, и никто поэтому не хотел продолжения знакомства. Он сидел на диване, когда в кабинет директора детского дома вошла Аля с мужем, и ему показалось, что вошло солнце, как будто тёплый свет исходил от этой невысокой женщины с милым, милым лицом и лучистыми умными глазами, в уголках которых притаилась тихая грусть. Документы собрали быстро, и всё шло к счастливому концу.

В тот день за рулём машины была Аля, Коля сидел рядом и не был пристегнут... лобовое столкновение. Пассажиры столкнувшейся машины отделались царапинами, у Али переломы, ушибы, тяжёлое сотрясение, а Николай-Коля-Коленька... его не стало... Аля четыре месяца лежала в больнице, потом училась заново ходить, есть, училась снова жить. Всё это время рядом с ней был друг Коли – Константин, и без него Аля, наверное, не вынесла бы того, что испытала. Аля и Костя стали мужем и женой. Десять месяцев прошло с того дня, когда Алёшка впервые увидел Алю. Он знал всё, что случилось. Знал и ждал. Ждал и верил. Маленький, сильный человек.

В декабре неожиданно зацвёл декабрист, и Алёшка наконец-то понял, почему цветок назывался именно так, зацвёл не красными, как обычно, а небывалыми по своей неземной красоте белыми цветами. Уборщица баба Поля сказала:

– Ну, Алёша, дождался, расцвёл через пять лет твой цветок, да какими цветами! Ты у нас, Алёшка, – белый декабрист.

На нежной трубочке невиданного цветка размещалось три кольца белых атласных лепестков, слегка розоватых у основания – по пять в каждом, внутри – метёлочка жёлтых тычинок, а одна самая длинная, ярко-красная тычинка свешивалась наружу. Если бы надо было придумать самый удивительный цветок, вряд ли кто-нибудь смог повторить это чудо природы.

Аля увидела Алёшку первая, он тихо сидел на подоконнике и задумчиво смотрел на ворота. Алёша даже не сразу узнал её, она похудела, вместо короткой стрижки – длинные волосы, высоко собранные в пышный пучок, как будто даже стала выше, но то же доброе лицо с сияющими и немного грустными глазами.

– Алёшенька, как ты вырос! Совсем большой стал! Как я ждала тебя!

– Пойдёмте, я покажу вам.

Алёшка крепко держал за руки Алю и Костю, и они смотрели на белые цветы декабриста вместе. Теперь вместе.

Квашеная капуста

Первые дни ноября... Для меня это всегда воспоминание о родителях, о далёком детстве, другой стране, другом времени и о квашеной капустке. Именно в это время мама всегда солила капусту на зиму. Капусту нельзя было солить раньше – до этого она была летняя, то есть мягкая, а к началу ноября капуста становилась крепкой, белой и сочной.

Жила наша семья в самом центре областного города недалеко от Москвы в четырёхэтажном небольшом доме, построенном, как говорили, немцами, в двухкомнатной квартире. Во дворе дома у каждой семьи был сарай, в сарае погреб, а в погребе бочки с солёной капустой, солёными огурцами, солёными помидорами и огромными ящиками, где хранилась картошка на всю зиму. Это – минимальный состав, но к этому ассортименту добавлялись, как правило, небольшие бочки с мочёными антоновскими яблоками и иногда с солёными грибами. Вот и была еда для семьи на всю зиму.

Солили капусту в большой деревянной дубовой бочке, которую папа поднимал на четвёртый этаж, где мы жили. Бочку мыли, закладывали в неё раскаленный чугунный брусок, веничек из можжевельника и всё заливали крутым кипятком. Поднимался ароматный можжевелевый пар, бочку накрывали одеялами и ждали, пока она остынет. В это время вся семья готовила капусту – рубила её специальной лопаткой в специальной деревянной ванночке. Потом мы терли морковь на крупной тёрке.

Бочка остывала, её переносили в погреб, и уже там мама закладывала в неё капусту, пересыпая её морковью, солью, добавляя обязательно антоновские яблоки. Накрывали капусту чистой хлопчатобумажной тряпочкой, потом деревянным кругом, на который ставили груз, чтобы выделился сок. Через две-три недели изумительная по вкусу квашеная капуста была готова. Никогда в жизни мама не ошиблась с солью, капуста получалась всегда приятного кисло-сладкого вкуса. Ели её до лета.

Потом, потом я стала жить в Москве, в самом центре, недалеко от метро Китай-город. Жила в небольшой комнате коммунальной квартиры, где кроме меня жили ещё три семьи, правда, небольшие. Дом был старый, потолки около четырёх метров высотой, мраморные подоконники, стены полметра толщиной. Между двух рам окна можно было поставить большое ведро, например, с той же капустой, но никто этого не делал, потому что в квартире была большая кладовая, где было всегда прохладно, и где все жильцы хранили запасы. И здесь, уже имея семью, я стала сама солить капусту каждый год.

Переехав в новую, просторную квартиру, я тоже солила капусту. Солю капусту и сейчас. А как же без квашеной капустки зимой?

Первые дни ноября... Для меня это всегда воспоминание о родителях, о далёком детстве, другой стране, другом времени и о квашеной капустке.

В первые дни ноября в Церкви совершается Димитриевская родительская суббота.

Белый-белый, первый-первый

Выпал первый, белый-белый снег, как будто заждавшаяся невеста одела наконец-то свой восхитительный, свадебный наряд. С моего семнадцатого этажа видна школа, заснеженное футбольное поле, скоро по нему, неуклюже ворочая палками, пойдут на лыжах розовощёкие малыши-школьники, похожие на нахохлившихся снегирей, скоро появятся около забора мамы:

– Надень варежки, Катя, я кому сказала!

– Миша, ты же палку потерял, о Господи!

– Дети, не отставайте, друженько пошли, пошли, вот так!

Скоро на снежном поле появится вечное «Даша + Саша = любовь».

В моём дворе стало неожиданно уютно, не таяли бы сугробы никогда назло всем автомобилистам. А зимний парк похож с многоэтажной высоты на гравюру.

– Я тебе снова говорю – гравюра. Как «почему»? Потому что серо-бело-чёрные цвета и...

– Так это чёрно-белая фотография.

– Нет-нет, гравюра, я каждый год так думаю.

– Ну, молодец, если думаешь хоть иногда.

Вечером в парке зажигают фонари, они горят до самого рассвета.

– Правда, красиво? Ну что ты молчишь? Вот именно.

Юлька бежит впереди, весело виляет хвостиком, лижет, лижет первый снег.

– Юля, прекрати!

Прыгает на тебя, на меня лапами:

– Как мне весело, ну ладно, послушаюсь вас, поищу палочку.

Приносит.

– Юля, ищи!

По освещённым аллеям идут влюблённые парочки, говорят о чём-то, ни о чём, не вспомнить потом. Снег падает, падает, падает мягкими мохнатыми пушистыми хлопьями, в свете фонарей хочу рассмотреть снежинку, только одну!

– Смотри, она правильной шестиугольной формы! Надо запомнить, к Новому году нарежу бумажных снежинок на окна.

Около скамейки первый в этом году снеговик с еловыми ветками вместо рук, завтра с Ванечкой погуляю, ой, забыла лопатку ему купить, он же в детском саду её потерял, как он любит снег!

– Ба, ещё погуляем!

– Нет, нет, пора обедать, всё готово, стынет.

Достаёт из кармашка какой-то древний сухарик:

– На, ба!

– Ну ладно, ещё чуток.

Обрадовался, бежит, прыгает впереди, ловит открытой тёплой ладошкой снежинки, голубоглазый, краснощёкий, длиннющие ресницы хлоп-хлоп, ну точно снегирь!

– Ванюша, догоняй!

– А снег идёт, а снег идёт, – замурлыкала тихо.

– Не пой, мороз на улице, потом горло неделю лечить.

Поправляешь мой шарф, я сдвигаю тебе на лоб шапку в знак благодарности. В свете фонарей, стекающем на заснеженные ветки деревьев, отдыхают снежинки на твоих ресницах и превращаются в сверкающие капельки воды.

Белый-белый, первый-первый...

Паустовский

Ехали с друзьями на машине из Москвы в Тарусу на выходные. По пути вспоминали мезозойскую эру, когда самым большим дефицитом были книги, которых не было в книжных магазинах, вернее, были, но не совсем те, когда за одну книгу надо было собрать двадцать килограмм макулатуры, сдать её, получить талончик и только после этого, возможно, если повезёт, купить книгу, и уже не важно, сколько она стоила.

В это трудно сейчас поверить даже нам, жителям мезозоя, а для молодых это рассказ почти о марсианах. Ещё была библиотека «Огонёк» – собрания сочинений классиков, доставалась она особо заслуженным марсианам. В те далёкие времена в Концертных залах выступали не певцы под «фанеру», а поэты и писатели, на их выступления трудно было попасть, да, так было, и на радио была знаменитая передача – «Театр у микрофона».

Тогда я впервые услышала радиоспектакль «Корзина с еловыми шишками» по рассказу Константина Георгиевича Паустовского. Читал несравненный Ростислав Пляйт под музыку Грига, я бросала все уроки, садилась на диван и, затаив дыхание, слушала, слушала. Спектакль повторяли часто, и со временем я знала его почти наизусть.

Таким было моё знакомство с Паустовским, мне было пятнадцать лет. Вскоре все книги Паустовского в ближайшей к нашему дому библиотеке были мною прочитаны, а на день рождения мама сделала для меня настоящий подарок – купила в букинистическом магазине собрание сочинений Паустовского в восьми томах. Эти книги в сером переплёте до сих пор стоят в моём книжном шкафу.

Мы ехали в Тарусу. По дороге мои друзья вспоминали Цветаеву, Заболоцкого, Ахмадулину, Тарковского, Остера, Рихтера – почему-то эти и многие другие знаменитые люди каким-то причудливым образом оказались именно здесь, в маленьком живописном городке на берегу Оки и именно в те времена.

До отъезда в Тарусу на одном известном цветочном рынке Москвы, где можно увидеть любые цветы от ромашки и хризантемы до самых экзотических и необычных, я купила небольшую плетёную корзину и еловую ветку, на которой было пять больших красивых шишек. Ещё я хотела, потому что покупала раньше и знала, купить... полевые васильки, сейчас почти забытые, полевые синие васильки, которые, к моему счастливому удивлению, на этом рынке продавали с начала лета и до глубокой поздней осени. Говорят, привозили их из Воронежской области. Купила пять букетиков васильков, завёрнутых в большие зелёные кленовые листья. Теперь я приготовилась к поездке.

Мои друзья надолго «застряли» в музее Марины Цветаевой, а мне хотелось поскорее встретиться с Паустовским. По карте быстро нашла улицу Пролетарская. Это была довольно широкая, длинная извилистая улица, уходящая вниз к реке Таруска. Вдоль дороги с двух сторон стояли старые, неказистые деревянные дома и немногочисленные деревья.

Не дом, а маленький бревенчатый домик в четыре окна, стены которого были окрашены в нарядный голубой цвет, а ставни и невысокий заборчик около дома в белый, стоял в самом конце улицы, почти над обрывом реки Таруска.

Семье Паустовского принадлежала только половина этого дома, где была повешена мемориальная доска с профилем писателя и надписью:

«В этом доме с 1955 по 1968 год жил и работал Константин Георгиевич Паустовский».

Прикрепила к двери дома три букетика полевых синих васильков.

Кладбище было недалеко от дома Паустовского, минут двадцать ходьбы. Могила находилась на краю крутого обрыва, внизу речка Таруска, вокруг задумчивые осенние берёзы и опавшие листья на земле.

С этого высокого места открывался дивный вид на дальние леса, поля и извилистую речку внизу. Говорят, Паустовский сам выбрал для себя это место. На его могиле большой деревянный крест и серый камень с надписью:

«Константин Георгиевич Паустовский 1892 – 1968 г.»

Поставила рядом с камнем плетёную корзину, воткнула в неё два букетика синих васильков и большую ветку с еловыми шишками.

Врачебная практика

Всё-таки правы были классики диалектического материализма, утверждавшие, что развитие идёт по спирали – повторяется та же ситуация, мы встречаемся с теми же людьми из прошлого, не зная, зачем и почему, мы оказываемся в тех же местах своей юности, где давно не были, но и мы другие, и события, и места, и люди – всё изменилось. Мы возвращаемся в прошлое уже на другом витке своей жизни и в ином качестве. Так и я оказалась в этом году в городе Конаково Тверской области. А когда-то, так давно, что даже не верится, я была в Конаково... была.

После четвёртого курса медицинского института мою группу направили на практику в ЦРБ города Конаково тогда Калининской области. Это была врачебная практика в отличие от сестринской после третьего курса, которую я проходила в областной больнице и почему-то в детской хирургии. Здесь в Конаково наша практика продолжалась шесть недель – две недели терапия, две недели хирургия и две акушерство и гинекология. Жили в освободившемся на летние каникулы общежитии техникума недалеко от больницы, ели в столовой, и заняты были целый день.

Кураторы наши отличались строгостью, требовали выполнения всех поставленных задач и заданий, и, если необходимо было, например, принять десять родов, то с девятью зачёт не ставили, то же касалось дежурств в больнице, вызовов на дом, работы в приёмном отделении и многого-многого другого. Уже потом, потом, став врачами со стажем и вспоминая учёбу, мы все оценили и эту строгость, и требовательность, и благодарны нашим дорогим учителям.

На вызовы ездили на старенькой, трясущейся на каждом ухабе «скорой помощи» по всему городу, почему-то одни, без медсестры, сами назначали и сами делали все инъекции. Помню небольшие одноэтажные, часто покосившиеся дома с палисадниками в цветах, скрипящие крашенные полы из досок, на стене ковер с мишками «Утро в сосновом лесу», белые кружевные салфетки и скатерти, необыкновенную чистоту, опрятность в доме и скромность. Были, конечно, тяжёлые случаи, требующие немедленной помощи и затем срочной госпитализации, но вызывали на дом всё-таки больше бабушки:

– Померь, дочка, давление. Неужели вместо врача приехала такая молоденькая? И уколы, говоришь, сама сделаешь? Мне бы, милая, укол папаверин с но-шпой, есть у тебя такой? Спасибо, красавица, пойдём я тебе васильков садовых нарву. Видала перед окошком? Вот, под твои синие глазки как раз, что смеёшься-то, ах, озорница! Ты приезжай ещё, дочка, приезжай.

Терапевтическое отделение было расположено в старом одноэтажном каменном здании за несколько автобусных остановок от главного, нового и современного здания ЦРБ. Это здание, окружённое небольшим парком с вековыми деревьями, напоминало мне старинную земскую больницу, о которых читала в книгах – большие палаты, окна с широкими подоконниками и геранью, деревянные полы...

В одном отделении лежали и сердечники, и язвенники, и больные с бронхиальной астмой, все... больных много и назначений, соответственно, тоже. Ночные и суточные дежурства были серьёзные. Времени на какие-либо развлечения не оставалось совсем – то больница, то дежурство, после которого всё же и выспаться надо, то вызовы, то отчёты писали, составляли, то учебники читали – что срочно вводим при отёке лёгких, как купировать приступ мерцательной аритмии или тяжёлый астматический статус, как проводим роды, осложнённые гипертензией, или дифференциальная диагностика того же «банального» аппендицита и так далее, и так далее...

Ходили на Волгу купаться под вечер, помню тот песчаный пляж, высокие сосны на берегу и вид на Конаковскую ГРЭС. Кажется, в кино была несколько раз, в универмаг двухэтажный в центре заходила, так, за какой-то мелочью, денег в общем-то и не было. Но память, как старую

фотографию, бережно сохранила и этот универмаг, и небольшую площадь перед ним, и киоск, торгующий газированной водой в разлив – отдельно сироп, отдельно газированная вода, четыре копейки с сиропом, одна копейка без сиропа... да, одна копейка...

Однако все шесть недель той практики пролетели молниеносно – заняты мы были, а я к тому же готовилась к своей свадьбе, которая и состоялась в Москве через два-три дня после Конаково, в последних числах июля. Пригласила всех подружек из группы и перед самым отъездом нарвала большой букет незабудок, уж не помню, где их нашла, но цветы были высокие, крепкие, ярко-голубые. Завернула букет в мокрые газеты, думала, сохраню, не завянут.

Ехала к будущему мужу на вечерней электричке «Конаково – Москва» в почти пустом вагоне, все окна нараспашку, ветер гуляет, у меня только сумка небольшая и незабудки. Приехала, а мои незабудки превратились... как сказал будущий муж: «Не обижайся, это увядшая трава». Но я налила в большой таз воды и поставила свой букет: может, реанимирую. Как же мы удивились, когда утром увидели воздушное, голубое облако оживших цветов! Те незабудки хранились, на удивление, долго.

В этом году я снова оказалась в Конаково, как будто мне открылась дверь, и я заглянула в своё далёкое прошлое, но уже на новом витке спирали-жизни... согласно диамату.

Пречистенка, Дом учёных, Сергей Юрский

После занятий в 1-м Меде в хорошую погоду я и подружка ехали на троллейбусе вдоль Большой Пироговской улицы до Zubовской площади, там была чистая и вкуснаяпельменная. Можно было пообедать дешёвыми комплексными студенческими обедами в столовой – от 45 до 55 копеек, включая салат «Витаминный» из капусты и моркови с чайной ложечкой сметаны, или винегрет, потом первое трёх видов, второе тоже три разных блюда и компот или кисель с кусочком хлеба. Нам хватало вполне.

Ехали мы в эту пельменную, потому что щи-супы-котлеты надоедали, а пельмени почему-то нет, но главное, нам хотелось погулять по улице Пречистенка. Порция пельменей со сметаной стоила 36 копеек, кофе с молоком только отдалённо напоминал кофе, но был горячим, сладким и стоил 7 копеек. Ещё мы брали слоёный пирожок с мясом или повидлом по 10 копеек – итого 53 копейки, но как вкусно!

Мы переходили Zubовскую площадь и шли по улице Пречистенка, которой вернули уже в те годы её прежнее название, но про Кропоткинскую улицу ещё помнили. Пречистенка соединяла Zubовскую площадь и площадь Пречистенские ворота рядом с метро Кропоткинская, где на развилке Остоженки и Пречистенки стоит памятник Фридриху Энгельсу. Между прочим, стоит себе и стоит, никому не мешает, а сквер перед метро украшает.

Мы шли медленно, рассматривая старинные красивые особняки, в магазины, как правило, не заходили – деньги у студентов не водились, просто шли и любовались улицей, домами, что-то обсуждали. Рекламы тогда почти не было, движение транспорта было довольно ленивое, прохожих тоже было немного – рабочий день заканчивался позже.

Почему-то всегда вспоминается одна осень. Было начало октября, солнечно, прохладно, деревья сбрасывали праздничный красно-жёлтый наряд. А во дворах жгли опавшие листья... да, так было, и пахло осенним терпким дымком и лёгкой прозрачной грустью. Заканчивался последний шестой курс, что-то впереди... Ах, если бы знать!

Около Дома учёных – Пречистенка, дом 16 – стояла довольно большая толпа молодых людей и девушек, мы спросили, и выяснилось, что через час в Большом Концертном зале Дома учёных будет выступать Сергей Юрский – читать стихи и отрывки из разных произведений, но билетов нет, только бронь. И все ждали этой брони. Потом толпа протиснулась внутрь к кассе, но, не получив вразумительного ответа, терпеливо ждала. Дверь внутрь Дома учёных была открыта, и у входа стояла маленькая седая интеллигентная старушка.

Когда же время концерта почти приблизилось, а билетов всё не было и не было, вот тогда вся эта шумная весёлая толпа молодёжи рванулась на балкон, оказавшийся достаточно пустым, и я с подругой... все, как были в пальто, куртках, которые сняли, когда расселись по местам. И стало тихо. Появилась та интеллигентная старушка, что была на входе, покачала головой. Послышалось: «Извините, извините нас... места свободны... время...» Билетёрша махнула рукой, улыбнулась и ушла.

Сергей Юрский был не просто широко известен, он уже сыграл в кино Викниксора в «Республике Шкид», Оппенгеймера в «Выборе цели» и незабвенного Остапа Бендера в «Золотом телёнке», он сыграл много замечательных ролей в телевизионных и радиоспектаклях и был ведущим актёром в БДТ имени Товстоногова.

Нас же, безбилетников, прорвалось прилично, все места даже на балконе были заняты, многие стояли в проходах. Как же блистал Сергей Юрский! Не было никакого музыкального или иного сопровождения – только великий Актёр и Слово! Юрского вызывали, вызывали на «бис», он один играл больше двух часов.

Все уходили окрылённые. Была вечно молодая Москва, Пречистенка и неповторимый московский осенний вечер. Фонари освещали опавшие листья, из дворов тянулся дымок... листья жгут... пахло лёгкой и светлой грустью.

Английская резинка

– Настя, дай Васютке лопатку, что это он руками песок копает.

– А мне?

– Но мы ведь две лопатки взяли, возьми побольше себе, а маленькую для Васеньки.

Настенька шести лет и Васютка, трёхлетний малыш, строили замок из песка. Какой сильный образ – замок из песка!

Но дети ещё не знали высоких слов, сравнений и метафор, они, ползая на коленях по мокрому прибрежному песку, сопя и разговаривая то ли друг с другом, то ли с самими собой, измазанные и увлечённые, возводили замок-дворец – незамысловатое сооружение с остроко-нечной вершиной, больше похожее на пирамиду Хеопса.

Их бабушки сидели на раскладных стульях под большим зонтом на берегу реки. Это были женщины среднего возраста, одна – Ангелина Львовна, маленькая, полная, в платочке, другая – Вера Ивановна, среднего роста, худенькая, в льняной шляпке. Бабушки приглядывали за детьми, и в то же время Ангелина Львовна вязала шарфик, а Вера Ивановна читала книгу.

Несмотря на жару, на пляже было не многолюдно – вдалеке местные подростки с азартом играли в волейбол, под раскидистой серебристой ивой загорала молодая женщина в тёмных очках и синем купальнике, рядом с ней, отодвинувшись в самую тень, лежал карликовый шпиг, а около высоких зарослей осоки сидели, обнявшись, молоденькая девушка с парнем и целовались. В выходные здесь яблоку было негде упасть, но сегодня понедельник, и загорающих мало.

– Васютка, копай здесь, вот так, это будет ров. Знаешь, что такое ров? – спрашивала Настя, не отрываясь от строительства замка. – Знаешь?

– Не-а.

– Ров – это такая канава, её потом наполняют водой, чтобы враги не прошли и чтобы защитить королеву, понял?

– Да-а, – задумчиво ответил Васютка, глядя на Настю, как на эту самую королеву.

– А это – крепостные стены, – Настя двумя руками захватывала мокрый песок и прижимала горку с двух сторон, формируя остроконечную вершину. – Давай сделаем бойницы на крепостной стене!

– Как сделаем? – Васютка зачарованно смотрел на Настю.

– Вот так, – Настя хлопала сверху по крепостной стене, образовалась площадка, на неё она насыпала небольшую горку песка.

– Знаешь, что должно быть в бойнице? Пушка.

– Пушка? – удивленно хлопали длинные Васюткины ресницы.

– Принеси вот тот прутик, мы его поломаем, это будут пушки.

Васютка побежал выполнять приказ королевы, оставляя на мокром песке исчезающие следы, и вскоре у берега реки красовался замок с крепостной стеной и рвом, наполненным водой.

Ангелина Львовна вязала шарфик для внучки – лицевая, снять петлю с накидом, лицевая, накид... на обратной стороне – петля с накидом, лицевая, петля с накидом, лицевая... вязала, вязала и задремала.

Книга, которую читала Вера Ивановна, была подозрительно долго раскрыта на одной и той же странице – глава 4. «Где я читала? Да, да... “луна мягко освещала белоснежные лилии, их волнующий запах разливался... разливался... белоснежные лилии...” Да я же это читала, “разливался...”»

Голова Веры Ивановны постепенно опускалась, глаза закрывались, но вдруг она очнулась – кто-то копошился около её ноги. Это был карликовый шпиг, он схватил в зубы упавший из рук Ангелины Львовны моток пряжи и побежал. Спицы выпали, шарфик потянулся за клуб-

ком по песку, задевая мелкие камни, ветки, раковины, петли сползали, вязание распускалось, шарфик таял и таял на глазах, становясь всё короче. А маленький шпиц, похожий на пушистый рыжий клубок, радостно нёсся по берегу реки, унося за собой бело-розовое облако пряжи.

– Настенька, лови его! – закричала Вера Ивановна.

Настя, бросив строительство крепостных ворот, вскочила и устремила за шпицем. Васютка, не отставая от королевны-Настя, побежал за ней, споткнулся, упал, поднялся, снова побежал. Парень и девушка, бросив целоваться, смотрели на приближающееся взлохмаченное рыжее солнце с мотком пряжи в зубах.

– Вот ты где! – девушка ловко схватила пушистый комочек.

– А-а-в, ав, а-а-в, ав! – огрызался озорник.

– Спасибо, извините нас, – хозяйка взяла собачку на руки.

Вера Ивановна, Настя и Васютка собирали пряжу, растянувшуюся волной по горячему песку.

– Хорошо, что нитки не намокли, – Вера Ивановна оглянулась на Ангелину Львовну, которая мирно сопела, склонив голову, её платок съехал набок, закрыл глаза, тёмные очки упали.

Недалеко от берега с шумом прошла моторная лодка, и подымавшаяся высокая волна вдруг смыла замок из песка. Васютка растерянно смотрел на руины крепости, губы его задрожали, задрожали, глаза покраснели и наполнились слезами, готовыми вот-вот побежать ручьями по загорелому личику.

– Не плачь, – Настя гладила малыша по голове и успокаивала его совсем как взрослая, – не плачь, Васенька, не плачь, маленький, мы новый замок построим, ещё лучше, вот увидишь.

Вера Ивановна распутала пряжу, смотала ее в клубок и задумалась: «Как же давно я не вязала!» Она вздохнула: «А раньше детям ведь всё сама вязала – и шапочки, и варежки, и кофточки, и штанишки. В магазинах-то ничего не было, а я из чистой шерсти... и обязательно рисунок делала – снежинки, зайчики, машинки разные...»

Вера Ивановна подняла на спицу спустившиеся петли, посмотрела на узор: «Так это английская резинка! Как же её вязать? Лицевая, изнаночная... забыла...»

Но руки, руки всё вспомнили: лицевая, снять петлю с накидом, лицевая, петля с накидом... Волны смыли остатки замка из песка.

...лицевая, изнаночная, накид...

Не проспала

Алина торопилась на электричку.

«Сегодня суббота, утренней конференции не будет, – подумала она, – но Света ждёт, заменить её надо вовремя. У неё что-то важное сегодня... вспомнила – пальто новое к весне поедет покупать с мамой. И мне бы надо... светлое какое-нибудь. Кто у нас сегодня за главного на дежурстве?»

Главным на эту субботу был назначен Василий Петрович, врач кардиологического отделения. Алина закончила Первый московский медицинский институт в позапрошлом году, интернатуру по терапии в прошлом и тогда же получила распределение в больницу города Долгопрудный – ближайший подмосковный город, всего пять километров от МКАД.

Жила Алина в самом центре Москвы, в небольшой комнатке, доставшейся ей от бабушки, в коммунальной квартире, где кроме неё жили ещё три семьи, правда, небольшие. На работу ехала до метро Новослободская, потом автобусом минут десять до Савёловского вокзала, тогда ещё не было метро Савёловская, пятнадцать минут на электричке и до больницы минут семь пешком по оживлённой улице. На всю дорогу около часа, немного по московским меркам.

Больница была построена недавно, оснащена новой современной аппаратурой, коллектив дружный. Алина была молодым специалистом и не замужем, поэтому её часто назначали дежурить не в будние дни, как семейных, а в выходные и праздники, когда все хотели быть дома, с семьёй и детьми. Отказываться Алина не могла, понимала, что все врачи в больнице через это проходили.

Села у окна в тёплую электричку, суббота, конец января, народа мало. Вчера вечером допоздна читала учебники по функциональной диагностике, главный врач обещал в феврале направить её на четырёхмесячные курсы по этой специализации. Глядя на зимнюю заснеженную Москву за окном, вспоминала Алина... вспоминала ЭКГ во всех отведениях – в норме, при аритмии, блокадах, при гипертрофии левого, правого предсердия, желудочка левого, правого... при инфаркте миокарда... вспоминала, вспоминала... и заснула. Очнулась она неожиданно, как будто кто-то её разбудил, посмотрела в окно – незнакомая местность, перелески, поля и снег, снег... а на часах 10.25.

«Господи, а дежурство? А Света? Что же будет? Где я? – с ужасом думала Алина. – По времени я заехала дальше Дмитрова».

Дальше Дмитрова по Савёловской дороге она ещё не ездила. Хотелось заплакать от бессилия, стыда и жалости к себе. В те времена ещё не было мобильных телефонов, и позвонить она не могла, огляделась, в вагоне никого не было.

«И расписание с собой не взяла», – подумала она.

Электричка резко затормозила, и Алина, повинувшись своему порыву – быстрее, быстрее выйти и поехать обратно, вышла из вагона. Двери закрылись, и поезд с шумом уехал. Платформы станции с обеих сторон были пустынные, завалены снегом, который не убрали как будто с начала зимы.

Недалеко от себя Алина увидела билетную кассу, подбежала:

– Извините, где я? Когда следующая электричка?

Оказалось, через два часа в обе стороны, не все электрички здесь останавливались – станция небольшая и перерыв к тому же. На платформе было ветрено, холодно, и Алина, спустившись по ступенькам, решила немного пройти по протоптанной дорожке, чтобы не замерзнуть. Вокруг неё был сказочный, зимний, засыпанный снегом лес, точнее, перелесок – берёзы, осины, ели, белоснежные лужайки, сверкающие на солнце

Алина боялась идти дальше и уже решила повернуть обратно к станции, как вдруг увидела пожилого мужчину, сидящего на поваленной берёзе. Сзади него росла высокая старая ель, к ней он и прижался спиной. Глаза незнакомца были закрыты, а левая рука как-то странно повисла.

«Жив ли? – мелькнуло в голове, Алина окликнула его, но ответа не получила. – А вдруг у него сердечный приступ?» – она вспомнила о пакетике с самыми необходимыми лекарствами, который всегда носила в сумочке – всё-таки врач, мало ли кому потребуется, и решила подойти. Алина подошла ближе, лицо мужчины было землисто-серого цвета, на левой щеке две свежие глубокие ссадины и эта рука... в неестественном положении.

– Что с вами? – громко спросила она.

Мужчина открыл глаза, сказал чуть слышно:

– Упал, рука...

Алина подошла ещё ближе:

– Я врач, у меня есть некоторые лекарства. Можно мне вас осмотреть? Меня зовут Алина.

– Хорошо, Егор Николаевич.

Алина аккуратно расстегнула куртку Егора Николаевича – положение левой руки и плечевого сустава было анатомически ненормальным, движения резко ограничены из-за крайней болезненности, пальцы рук сохранили подвижность. Алина осторожно прощупала плечо, предплечье, ссадины на лице её не смущали, но рука...

– Егор Николаевич, я терапевт, не травматолог, но похоже на вывих плечевого сустава с разрывом связок. Это очень болезненно и надолго... я имею в виду, гипс вам придётся носить долго – полтора месяца. Надо добираться до травмы.

У Алины в сумочке всегда был небольшой пластиковый флакон с перекисью, несколько бинтов, обезболивающие лекарства. Обработала ссадины на лице, дала анальгин, сняла с себя большой павлопосадский платок, согнула осторожно левую руку в локтевом суставе и наложила с помощью своего платка фиксирующую сустав повязку.

Минут через десять Егор Николаевич стал чувствовать себя лучше, и боль заметно стихла.

Вдруг послышался скрип снега невдалеке, и Алина увидела приближавшегося к ним по тропинке молодого человека приблизительно её возраста, невысокого, но крепкого и основательного – так она назвала его сразу. Он подошёл, спросил:

– Что случилось?

Алина рассказала, представилась.

– Василий, – отозвался новый знакомый.

– Ну что же, давайте потихоньку добираться до станции, электричка в Москву через сорок минут, – сказал Вася.

Легко сказать «добираться», Егор Николаевич шёл еле-еле, Алина и Вася с двух сторон придерживали его, помогали идти. Наконец, дошли, вот и электричка, поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.